

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РОБЕРТ МУЗИЛЬ

1880-1942

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

Роберт Музиль

Человек без свойств

Том третий

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(0)

Перевод с немецкого С. Апта

Музиль, Р.

Человек без свойств. Том 3: Роман / Р. Музиль; [пер. с нем. Апт К. С.] . – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2020. – 670 с. – (Легендарные книги литагентства ФТМ).

ISBN 978-5-521-74620-0

Самый известный роман австрийского писателя, драматурга и эссеиста Роберта Музиля (1880–1942) «Человек без свойств» так и не был закончен, и несмотря на это, роман стал важнейшей вехой в истории немецкой литературы XX века, встав рядом с лучшими произведениями Томаса Манна, Стефана Цвейга и Лиона Фейхтвангера. Главный герой романа Ульрих, столкнувшись с «невероятным одиночеством человека в пустыне мелочей», старается отгородиться от «блеска и нищеты» внешнего мира с помощью своего «эго». И история его жизни становится, по сути, кропотливым исследованием души современного человека, не утратившего способности мечтать и быть готовым к непредсказуемым последствиям, становящимся его судьбой. В третий том вошли третья часть романа и главы, опубликованные посмертно.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74620-0

© Т8 RUGRAM, 2020
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020
© Перевод, С. К. Апт, наследники, 2020

Часть третья

В ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЕ ЦАРСТВО (ПРЕСТУПНИКИ)

1

Забытая сестра

Когда Ульрих, приехав к вечеру того же дня в... *, вышел из вокзала, перед ним открылась широкая, похожая на мелкую чашу площадь с улицами с обеих сторон, и зрелище это наполнило его память чуть ли не болью, как то бывает, когда глядишь на места, которые ты часто видел и всегда забывал.

«Уверяю вас, доходы сократились на двадцать процентов, а жизнь стала на двадцать процентов дороже — получается сорок процентов!» — «А я уверяю вас, что шестидневные велогонки — это событие, соединяющее народы!» Голоса эти выходили сейчас из его ушей — голоса купе. Затем он явственно услышал, как кто-то сказал: «Все равно для меня нет ничего выше оперы!» — «Это, видимо, ваше увлечение?» — «Нет, страсть...» Он наклонил голову, словно вытряхивая воду из уха. Поезд был полон, а ехали долго; капли общего разговора, просочившиеся в него за время пути, вытекали обратно. Среди веселой суматохи приезда, хлынувшей из двери вокзала, как из

жерла трубы, в тишину площади, Ульрих подождал, пока эта струя не сделалась тоненькой, прерывистой струйкой; и вот он стоял в вакууме тишины, которая следует за шумом. И одновременно с непокоем слуха, возникшим отсюда, ощутил непривычный покой перед глазами. Все зримое было в этом покое резче, чем где-либо, и когда он взглянул через площадь, совершенно обычные переплеты окон на другой стороне чернели среди бледного блеска стекла так, словно они были крестами Голгофы. И все, что двигалось, отделялось здесь от неподвижного не так, как это бывает в очень больших городах. Тому, что находилось в движении, и тому, что стояло на месте, здесь явно хватало простора расширять свою значимость. Он отмечал это с некоторым любопытством свиданья после разлуки, разглядывая большой провинциальный город, где прошло несколько коротких, но малоприятных полос его жизни. В характере этого города было, как он прекрасно знал, что-то безродно-колониальное. Древняя ветвь немецкого бюргерства, попавшая несколько столетий назад на славянскую землю, здесь захирела, и о ней мало что напоминало теперь, кроме немногих церквей и фамилий, да и от прежней резиденции земского представительства, которой был этот город позднее, почти ничего не осталось, кроме хорошо сохранившегося красивого дворца; но на это прошлое во времена абсолютной власти лег густой слой императорской администрации с ее провинциальными штаб-квартирами, начальными и высшими учебными заведениями, казармами, судами, тюрьмами, дворцом епископа, залом для танцев, театром и всеми причастными к ним людьми, а также с торговцами и ремесленниками, которых эти люди за собой потянули, а уж потом развилась и промышленность — благодаря приехавшим предпринимателям, чьи фабрики, крыша к крыше, заполнили предместья и

при последних поколениях влияли на судьбу этого уголка земли сильнее, чем все другое. У этого города была история, было у него и лицо, но такое, где глаза не соответствовали рту, а подбородок — волосам, и на всем лежали следы бурной, но внутренне пустой жизни. Возможно, что при особых личных обстоятельствах это благоприятствовало экстраординарному и недюжинному.

Если выразиться столь же осторожно и точно, то Ульрих чувствовал какую-то «духовную бессодержательность», в которой ты терялся настолько, что это склоняло к необузданной игре воображения. Странная телеграмма отца была у него в кармане, и он помнил ее наизусть: «Ставлю тебя в известность о последовавшей моей кончине», — велел сообщить ему старик — или следовало сказать: «сообщил», как на то и в самом деле указывала подпись «твой отец»? Его превосходительство, действительный тайный советник, никогда не шутил в серьезные минуты; причудливая формулировка была и впрямь чертовски логична, ибо оповещал сына все-таки не кто иной, как он сам, когда в ожидании своего конца писал или диктовал этот текст, приурочивая вступление в силу возникающего таким путем документа к мгновению своего последнего вздоха. Точнее выразить ситуацию, пожалуй, даже нельзя было, и все же от этого акта, где настоящее пыталось овладеть будущим, до которого оно дожить не могло, жутковато веяло трупным запахом злобно истлевшей воли!

При мысли об этом поступке, по какой-то ассоциации напомнившем ему прямо-таки нарочито неуравновешенный нрав маленьких городков, Ульрих не без тревоги подумал о своей жившей в провинции замужней сестре, с которой он, наверно, через несколько минут встретится. Он думал о ней уже и в пути, ибо знал о ней мало что. Время от времени через

письма отца до него доходили очередные семейные новости, например: «Твоя сестра Агата вышла замуж», — после чего следовали дополнительные подробности, ибо Ульрих тогда не смог съездить домой. А приблизительно через год он уже был оповещен о смерти молодого супруга; а года, если он не ошибался, через три пришло сообщение: «Твоя сестра Агата, к моему удовлетворению, решила снова выйти замуж». На этой второй свадьбе пять лет назад он присутствовал и видел сестру несколько дней; но помнил он только, что дни эти были как гигантское колесо из белошвейных изделий, непрестанно вертевшееся. Помнил он и супруга, который ему не понравился. Агате было тогда, наверно, двадцать два года, а ему самому двадцать семь лет, ибо как раз тогда он получил докторскую степень; значит, сейчас его сестре было двадцать семь, и с тех пор он ни разу не видел ее и не обменивался с ней письмами. Он помнил только, что позднее отец часто писал: «В браке твоей сестры, по-видимому, не все, увы, обстоит так, как могло бы, хотя супруг ее человек превосходный». Были и такие строки: «Я был очень рад недавним успехам мужа твоей сестры Агаты». Таков был, во всяком случае, смысл писем, которым он, к сожалению, никогда не уделял внимания; но один раз, это Ульрих сейчас отчетливо вспомнил, с осудительным замечанием о бездетности его сестры связывалась надежда, что она все-таки довольна своим браком, хотя ее нрав никогда не позволит ей это признать. «Как она теперь выглядит?» — думал он. Характерно для старика, который так тщательно извещал их друг о друге, было то, что обоих он в хрупком возрасте, сразу после смерти их матери, выдворил из дому; они воспитывались в отдаленных друг от друга учебных заведениях, и Ульриху, который вел себя скверно, часто не разрешали съездить на каникулы домой, так что свою сестру он с детства,

когда они, впрочем, очень любили друг друга, толком не видел, если не считать одного-единственного довольно продолжительного свидания, когда Агате было десять лет.

Ульриху казалось естественным, что при таких обстоятельствах они и не переписывались. О чем они могли друг другу писать? Когда Агата в первый раз вышла замуж, он, как он теперь вспоминал, был лейтенантом и лежал после ранения на дуэли в госпитале. Боже, каким он был ослом! Каким, в сущности, множеством разных ослов! Ибо он вспомнил, что лейтенантская история с дуэлью тут ни при чем: он был тогда уже почти инженером и занимался чем-то «важным», отчего и не стал участвовать в семейном празднике! А о сестре он слышал потом, что она очень любила своего первого мужа. Он уж не помнил, через кого он это узнал, но что, в сущности, значит «она очень любила»?! Это ведь так говорится. Она опять вышла замуж, и второго ее мужа Ульрих терпеть не мог — вот это не подлежало сомнению! Неприязнь к нему основывалась не только на личном впечатлении, но и на нескольких записанных им книгах, прочитав которые Ульрих, может быть, не совсем случайно выкинул из памяти сестру. Поступок был не очень красивый; но он не мог не признаться себе, что даже в истекшем году, когда он о стольком думал, он ни разу не вспомнил о ней, и при известии о смерти отца тоже не вспомнил. Но на вокзале он спросил встретившего его старого слугу, прибыл ли шурин, и обрадовался, узнав, что профессор Хагауэр ожидается лишь к самым похоронам, и хотя до похорон оставалось не больше двух-трех дней, это время показалось ему неограниченным сроком затворничества, который он проведет вместе с сестрой так, словно они самые близкие люди на свете. Напрасно спрашивал бы он себя, какая тут связь; наверно, мысль о «незнакомой сестре» была одной из тех просторных

абстракций, где находят себе место многие чувства, которые нигде не бывают уместны по-настоящему.

И, занимаясь такими вопросами, Ульрих медленно входил в этот незнакомо-знакомый город, перед ним раскрывавшийся. Свой багаж, куда он перед самым отъездом сунул довольно много книг, он отправил в коляске вместе со встретившим его старым слугой, которого помнил с детства и который совмещал обязанности лакея, дворецкого и университетского служителя таким образом, что с годами их внутренние границы стали нечеткими. Вероятно, этому скромно-замкнутому человеку отец Ульриха и продиктовал телеграмму о своей смерти. Ноги Ульриха удивленно и с удовольствием шли дорогой, которая вела их к дому, а чувства его бодро и с любопытством вбирали теперь те свежие впечатления, какими поражает всякий растущий город, если ты давно не видел его. На определенном месте, которое ноги Ульриха вспомнили раньше, чем он сам, они свернули с главной улицы, и вскоре он оказался в узком переулке, образованном лишь двумя стенами садов. Перед пришедшим, чуть наискось, стоял двухэтажный дом с мезонином, сбоку от него была старая конюшня, и, все еще прижавшись к стене сада, стоял маленький домик, где жили старый слуга и его жена; домик этот выглядел так, словно старик хозяин, несмотря на все доверие к ним, отодвинул их от себя как можно дальше и все-таки замкнул своими стенами. Ульрих в задумчивости подошел к запертому входу в сад и постучал большим металлическим кольцом, висевшим там вместо звонка на низкой, почерневшей от старости калитке, но подбегавший слуга исправил его ошибку. Они должны были вернуться, обойдя стену, к главному входу, где стояла коляска, и только в тот миг, когда Ульрих увидел перед собой закрытую дверь дома, он обратил внимание на то, что сестра не встрети-